

ШЕПЧУЩИЙ ВО ТЬМЕ

I

П рошу заметить: в последний момент ничего ужасного я не увидел. И нельзя сказать, будто окончательный вывод я сделал в состоянии психологического шока — последней соломинки, заставившей меня среди ночи спешно покинуть уединенную ферму Айкли и помчаться в его автомобиле по безлюдной дороге меж округлых холмов Вермонта. Невзирая на увиденное и услышанное ранее, невзирая на неизгладимое впечатление, произведенное на меня этими тварями, я даже теперь не могу в точности сказать, прав я был или нет, придя к ужасающему умозаключению. В конце концов, исчезновение Айкли ни о чем не говорит. В его доме не нашли ничего подозрительного, кроме следов от пуль, продырявивших стены снаружи и внутри. Можно было подумать, что он просто вышел на прогулку по окрестным горам и не вернулся. Ничто не указывало на то, что у него побывали некие гости, и в его кабинете не нашли тех жутких металлических цилиндров и машин. А в том, что высокие лесистые горы и бесконечный лабиринт журчащих ручьев, среди которых он родился и вырос, внушали ему смертельный ужас, тоже нет ничего необычного; тысячи людей подвержены аналогичным болезненным страхам. Дикое же поведение, как и обуревавшие его приступы ужаса, можно легко объяснить эксцентричностью натуры.

Все началось с исторически значимого небывалого потопа — наводнения в Вермонте, случившегося 3 ноября 1927 года. Тогда, как и сейчас, я преподавал литературу в Мискатоникском университете в Аркхеме, штат Массачусетс,

и изучал древние поверья Новой Англии. Вскоре после наводнения среди сонма публикаций в прессе о разрушениях, бытовых тяготах населения и организации помощи пострадавшим появились и странные сообщения о существах, обнаруженных в речных запрудах; тогда многие мои знакомые пустились с азартом обсуждать эти новости и попросили меня пролить свет на сей предмет. Мне было лестно сознавать, что они столь серьезно относятся к моим штудиям местного фольклора, и я постарался разоблачить те дикие рассказы, которые, как мне представлялось, выросли на почве невежественных деревенских суеверий. Меня немало забавляло, как иные весьма образованные люди с полной серьезностью настаивали на том, будто циркулировавшие слухи основывались на фактах — хотя и искаженных, неверно истолкованных.

Источником небылиц, привлечших мое внимание, были главным образом газетные публикации; впрочем, одну историю, или скорее сплетню, мой приятель узнал из письма матери, жившей в Хардвике, штат Вермонт. В ее пересказе описывалось примерно все то же самое, что фигурировало в прочих слухах, но там речь шла о трех не связанных между собой находках: одна была обнаружена в Винуски-ривер близ Монпелье, другая — в Вест-ривер в округе Уиндем за Ньюфаном, а третья — в реке Пассампсик округа Каледония, выше Линдонвилля. Разумеется, разные источники упоминали о множестве находок, но по всему выходило, что они толкуют именно об этих трех. В каждом случае местные сообщали, что бурные воды, низвергнувшиеся с пустынных холмов, принесли некие диковинные жуткие объекты, причем молва связывала их с полузабытым циклом древних тайных преданий, о которых ныне помнили лишь одни старики.

Людам чудилось, будто они видели фрагменты органических существ, не похожих ни на какие доселе известные. Естественно, в те трагические дни разлившиеся реки выбрасывали на берег тела погибших при наводнении; но очевидцы, описывавшие странные фрагменты, уверяли, что это не были человеческие останки, хотя и походили на них размерами и общими очертаниями. Вместе с тем утверждалось, что эти фрагменты явно не принадлежали ни одному из животных, что водятся в Вермонте. Тела этих существ были розоватого цвета, длиной около пяти футов; по виду напоминали ракообразных и имели множество пар то ли спинных плавников, то ли перепончатых крыльев и несколько пар членистых конечностей, а иные напоминали спиралевидный эллипсоид, покрытый множеством крохотных щупальцев там, где у обычных ракообразных находится голова. Казалось удивительным,

сколь точно совпадали описания из разных источников. Впрочем, чему здесь удивляться? Ведь старинные легенды этого горного края изобиловали живописными подробностями, которые исподволь питали возбужденное воображение так называемых очевидцев и расцветчивали их рассказы. Мой же вывод заключался в том, что очевидцы, наивные и простодушные обитатели провинциальной глуши, замечали в потоках воды изуродованные и вздутые трупы людей и домашних животных, но под влиянием полузабытых местных легенд приписывали обычным жертвам наводнения самые фантастические свойства.

Предания старины, туманные, невнятные и большей частью давно забытые нынешним поколением, были весьма необычны и явно отражали влияние еще более древних индейских сказаний. Все это мне было прекрасно известно (хотя никогда до той поры я не бывал в Вермонте) по редчайшей монографии Эли Давенпорта, где описаны устные народные предания, собранные до 1839 года среди долгожителей штата. Эти предания к тому же совпадали с рассказами, которые я лично слышал от стариков в горных селениях Нью-Гемпшира: поговаривали о неведомой расе ужасных существ, обитавших в самых отдаленных горных районах — в глухих чащах на вершинах высоких пиков и в уединенных долинах, где протекают ручьи, бьющие из неведомых ключей. Этих существ нечасто удавалось увидеть воочию, и свидетельства об их существовании передавались теми, кто некогда отважился забраться на самые дальние склоны гор или спуститься в глубокие горные ущелья, которых избегали даже волки.

На илистых берегах тамошних ручьев и на иссохших клочках земли они находили диковинные отпечатки лап и клешней, а также выложенные из камней таинственные круги с вытоптанной по периметру травой, которые явно не были созданы природой. А на склонах гор обнаруживались диковинные пещеры неведомой глубины, заваленные — отнюдь не случайно! — гигантскими валунами, и множество следов, ведущих как внутрь пещер, так и прочь от них — если, конечно, направление следов было верно определено. Но хуже того: там были замечены существа, которые обычно не попадают на глаза даже самым безрассудным следопытам в сумеречных долинах и в непроходимых чащах мачтового леса, далеко за привычными границами областей, обычно посещаемых туристами.

Все это вызывало бы куда меньшую тревогу, если бы отрывочные рассказы об этих тварях не были столь похожи. А так сложилось, что почти все местные байки сходились в ряде важных подробностей: очевидцы уверяли,

будто эти существа напоминают гигантских алых крабов со множеством лап и с парой огромных крыльев, точно у летучей мыши, посередине спины; иногда передвигаются на всех конечностях, а порой лишь на паре задних лап, используя остальные для переноски крупных предметов неясного назначения. Кто-то однажды наблюдал целую их стаю значительной численности, которая организованно перемещалась по обмелевшей речушке стройными колоннами по трое в ряд. Как-то этих тварей видели в полете — они взмыли с вершины одинокой голой скалы ночью и исчезли в вышине, шумно махая огромными крыльями и на миг заслонив яркий диск луны.

Похоже, горным чудовищам не было дела до людей; впрочем, их кознями объясняли загадочные исчезновения поселенцев — особенно тех, кто намеренно строил дома слишком близко к печально известным долинам или слишком высоко на склонах гор. Многие места в тех краях считались нежелательными для поселения, причем даже и после того, как повод для этого общераспространенного опасения давно позабылся. На иные окрестные горы люди смотрели с содроганием, хотя никто уже и не помнил, сколько поселенцев пропало в горных лесах и сколько домов сгорело дотла у подножия этих угрюмых зеленых часовых.

Согласно самым ранним легендам, inferнальные твари нападали лишь на тех, кто вторгнулся в пределы их владений, но вот более поздние поверья утверждали, что те выказывали любопытство в отношении людей и даже высылали тайные отряды слежения за поселенцами. Известны также рассказы о странных отпечатках когтей, что находили по утрам на оконных рамах фермерских домов, а также об исчезновении людей далеко от всем известных опасных мест. И еще рассказывали о странных жужжащих голосах, явно копирующих человеческую речь (якобы твари озвучивали ужасающие предложения одиноким путникам на пеших тропинках или проезжих дорогах в лесных чащах), и о детишках, насмерть перепуганных увиденным или услышанным в тех местах, где вековые леса вплотную подступали к жилищам. И наконец, в преданиях совсем недавнего прошлого — когда все прежние суеверия уже истерлись из памяти и люди вовсе перестали посещать те запovedные места — фигурируют дикие истории об отшельниках и обитателях уединенных ферм, которые внезапно подвинулись рассудком и будто бы продали душу богомерзким тварям. А в одном из северо-восточных округов в самом начале девятнадцатого века возникло даже поветрие обвинять эксцентричных и нелюдских затворников в том, что они-де заключили союз с отвратительными тварями или стали их посланцами в нашем мире.

Что же до самих тварей, то тут описания, понятное дело, разнились. Обыкновенно их называли «те самые» или «те древние», хотя в разных местах к ним прилипали иные наименования, но не слишком надолго. Многие поселенцы-пуритане считали их порождением дьявола и на этом основании пускались истово строить теологические спекуляции. Те же, в чьих жилах текла кельтская кровь (а таковыми были нью-гемпширские потомки шотландцев и ирландцев, а также их родичи, прибывшие в Вермонт осваивать дарованные губернатором Уэнтвортом земли), связывали этих тварей со злыми духами келпи и болотными «маленькими человечками» и оберегали себя от их козней заговорами, передававшимися из поколения в поколение. Но самые фантастические домыслы на их счет распространяли местные индейцы. При всем различии древних сказаний у разных племен, они совпадали в некоторых важнейших деталях. Так, существовало единодушное мнение, что эти твари — не с Земли. В богатых на живописные подробности мифах пеннакуков рассказывается, что Крылатые прилетели с неба, с Большой Медведицы, и вырыли в земных горах глубокие шахты, где они добывают особые минералы, которых не найти нигде в других мирах. Они вовсе не поселились на Земле, говорят нам мифы, а просто выставили тут временные форпосты и регулярно улетают к своим звездам в северной части неба с обильной ношей добытых минералов. И уничтожают они лишь тех земных жителей, которые подбираются к ним чересчур близко или пытаются их выслеживать. Дикие звери сторонятся их из природного инстинкта, а не потому, что твари на них охотятся. Питаться земными растениями и животными Пришлые не могут, поэтому они принесли с собой свою пищу с далеких звезд. Подходить к их колониям опасно — вот почему молодые охотники, забредавшие в облюбованные тварями горы, пропадали навсегда. Столь же опасно слушать их ночное перешептывание в лесах, когда они жужжат по-пчелиному, пытаясь подражать человеческой речи. Им ведом язык всех людей — пеннакуков, гуронов, пяти ирокезских племен, — но у них самих, похоже, нет своего звукового языка, они в нем попросту не нуждаются: передают друг другу сообщения, меняя цвет головы.

Разумеется, все легенды и предания, как индейские, так и белых поселенцев, в течение девятнадцатого века полностью забылись, за исключением разве что редких древних суеверий. После того как жители Вермонта прочно обосновались здесь и начали строить дороги и поселения по четкому плану, они все меньше и меньше вспоминали о старинных страхах и запретах, которые учитывались при составлении этого самого плана. Большинство фермеров

просто знали, что такие-то горные районы издавна считаются опасными, невыгодными для освоения или непригодными для проживания, и чем дальше от них держаться, тем лучше. Со временем вошедшие в привычку обычаи и соображения экономической выгоды столь глубоко укоренились, что поселенцам более не было смысла выходить за границы своих мест обитания, а запретные горы так и остались необитаемыми — скорее волею случая, нежели по умыслу. Если не принимать во внимание редкие вспышки панических страхов в тех местах, лишь суеверные бабульки да девяностолетние старички, вспоминая о юных годах, судачили о тварях, обитающих на дальних горах; но даже пересказывая шепотом древние предания, рассказчики соглашались, что теперь нечего бояться тварей: ведь те давно смирились с присутствием ферм и поселков, коли люди раз и навсегда оставили их в покое, не посягая на выбранные ими для обитания места.

Все это мне давно было известно из книг и устных преданий, собранных мною в Нью-Гемпшире; вот почему, когда после наводнения появились все эти нелепые слухи, я легко догадался, на какой благодатной почве они возникли, и поспешил разъяснить это моим друзьям. Забавно, что несколько особенно задиристых спорщиков продолжали настаивать, будто во всех этих нелепых сообщениях содержится изрядная доля истины. Эти упрямцы указывали на то, что все древние предания объединяет сходство общей канвы событий и деталей и что было бы крайне глупо безапелляционно судить о таинственных обитателях малоизученной вермонтской глухомани. Я заверял их, что все мифы повторяют хорошо известную, общую для всего человечества сюжетную структуру, что они возникли на ранних стадиях творческой деятельности человека и отражают одинаковые заблуждения, — но это не рассеяло их сомнений.

Было бесполезно доказывать таким оппонентам, что в сущности вермонтские мифы мало чем отличаются от универсальных легенд о персонализации природных явлений, благодаря которым древний мир населяли фавны, дриады и сатиры, а уже в современной Греции возникли легенды о калликандзарах, а в древнем Уэльсе и Ирландии — предания о троглодитах и землероях, жутких существах, обитающих глубоко под землей. Упрямцев не убедили мои рассуждения о схожей вере народов горного Непала в ужасного Ми-го или «мерзких снежных людей», что бродят по ледникам Гималайских хребтов. Когда я сослался на эти факты, мои оппоненты обратили их против меня, увидев в них намек на историческую достоверность старинных преданий и получив лишний аргумент в пользу реального существования

миновал похожий на амбар второй этаж и вскоре очутился на первом. Здесь царило полное запустение, и только эхо моих шагов гулко звучало в тишине. Наконец я добрался до конца коридора и увидел еле заметный в крошечном мраке прямоугольник дверного проема — это был главный вход в здание со стороны Пейн-стрит. Бросившись обратно, я нашел дверь черного хода — тут тоже все было нараспашку — и по каменным ступеням крыльца спустился на поросшую травой брусчатку заднего двора.

Свет луны сюда не доставал, но я разбирал дорогу и без фонаря. Ряд окон в «Гильман-хаусе» был тускло освещен, и мне почудилось, что я услышал доносившиеся оттуда звуки. Осторожно ступая, я пошел вдоль кирпичного дома в сторону Вашингтон-стрит и, заметив несколько раскрытых дверей, выбрал ближайшую и забежал в холл. Внутри было темно, и, добравшись до противоположной стороны холла, я увидел, что дверь на улицу накрепко заколочена. Решив попытать счастья в другом здании, я повернул обратно с намерением выйти на задний двор, но уже у самого выхода резко остановился.

Все из-за того, что парадная дверь гостиницы распахнулась — и оттуда вывалила толпа сомнительных субъектов: взрезая темноту фонарями, они тихо переговаривались жуткими клекочущими голосами — явно не на английском языке! Толпа на секунду задержалась перед отелем, и кто-то двинулся в одну сторону, а кто-то в другую. К своему облегчению, я догадался, что они не знают, где меня искать; но тем не менее всем своим видом они нагнали на меня такого ужаса, что мороз по коже пробежал. Разглядеть их лица я не мог, но при виде их сутулых спин и шаркающей походки меня сразу затошнило от омерзения. Хуже того: на одной фигуре я разглядел странное одеяние и — тут сомнений не было — уже знакомые мне очертания высокой тиары на голове. Когда фигуры разбрелись по двору, мой страх усилился. А что если мне не удастся найти выход на улицу? Рыбой воняло так невыносимо, что я боялся потерять сознание. В поисках выхода на улицу я пошел дальше по коридору и, открыв какую-то дверь, очутился в пустой комнате с оконными проемами без рам, плотно закрытыми ставнями. Добравшись до оконного проема, я посветил фонариком и с удовлетворением понял, что смогу без труда распахнуть ставни. Уже через мгновение я выбрался наружу и наглухо закрыл ставнями пустой проем, придав ему первоначальный вид.

Я вышел на Вашингтон-стрит и в первый момент не заметил ни живого существа, ни огонька — только лунный диск в небе. Правда, издали до меня доносились хриплые восклицания, топот и какой-то странный цокот, который совсем не походил на звук шагов. Словом, нельзя было терять ни минуты. Я сразу сориентировался по сторонам света — и

СОДЕРЖАНИЕ

Шепчущий во тьме.....	3
Мгла над Иннсмутом.....	71

РАССКАЗЫ

Дагон	140
Крысы в стенах.....	146
Ужас Данвича	164
Сквозняк	206
Дневник Алонсо Тайпера.....	216
Упокоение	238
Ньярлатхотеп	249
Празднество	254
Показания Рэндольфа Картера	265
Невыразимое	273
Ужасный Старик	284
Что приносит луна	289
Из древности	292
Дерево на холме.....	318
Расхороненный	331
Каменный человек	343
Пока моря не высохнут до дна.....	359

ПРИЛОЖЕНИЕ

История и хронология «Некрономикона»	370
От переводчика: История «Истории “Некрономикона”»	372